

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Как мы уже сообщали, корреспонденты «Вестника Чернобыля» во время выездного заседания Координационного совета Академии наук Украины и Чернобыльского центра международных исследований, проходившего в городе Припяти, взяли несколько актуальных интервью. Одним из собеседников был генеральный директор производственного объединения «Чернобыльская АЭС» М. П. УМАНЕЦ.

— Михаил Пантелеевич, мы просим Вас дать интервью для «Вестника Чернобыля»...

— Вы представляете «Вестник Чернобыля»? Я не люблю эту газету. Она необъективная и очень поспешная. Кроме того, газета оскорбила меня лично.

— Многие из того, о чем Вы говорите, можно оспаривать. Но давайте определимся от личных отношений. Мы ведь к Вам обращаемся от имени читателей, а они-то здесь совсем не при чем.

— Что Вас интересует?

— В связи с изменившейся политической ситуацией на Украине ждете ли Вы как генеральный директор каких-либо изменений в отношении Чернобыльской АЭС?

— Никаких особых изменений я не жду. Они уже произошли. Мы получили официальное уведомление о том, что несмотря на сложившиеся политические и экономические условия, Чернобыльская атомная станция будет закрыта в 1993 — 1995 годах. И я могу повторить только то, что говорил всегда: если в 30-километровой зоне не будет развиваться хозяйственная отдача наше государство от зоны не получит.

— А как Вы относитесь к созданию администрации зоны?

— Если говорить о моем мнении, то я считаю, что вопрос этот назрел. Зона сегодня практически потеряла государственное управление, структуры

Министерства атомной энергетики и промышленности уже практически не существует. И поэтому даже того призрачного управления, которое существовало раньше, на сегодняшний день уже нет. А зона нуждается в комплексном проектировании, нуждается в социальной защите всех коллективов, которые здесь работают. Я лично считаю, что половина людей, из тех что здесь работают, через три года в зоне быть не должно. Но эти люди не должны быть выброшены на улицу. В зоне нужно управление, напоминающее работу Правительственной комиссии в 1986 — 1988 годах. Немногочисленный аппарат, не бюрократический, но владеющий функциями распределения финансов, определения направлений научно-исследовательских и технических работ, имеющих право прекращать работы, если они не дают отдачи, ревизовать деятельность и требовать отчета от всех организаций, занятых в 30-километровой зоне. Думаю, что эту роль может выполнить Минчернобыль Украины. Такая структура в зоне нужна и потребность в ней, на мой взгляд, остро назрела.

— Высказывается мнение, что Верховный Совет Украины поторопился, приняв решение о закрытии Чернобыльской АЭС. Что Вы, Михаил Пантелеевич, думаете по этому поводу? И еще, что, по Вашему мнению, будет с городом Славутичем в случае закрытия ЧАЭС, каковы его перспективы?

— Я читаю, что строительство Славутича в том объеме, в котором оно было задумано, должно быть закончено, все объекты должны быть сданы. В случае закрытия станции город должен получить крупное предприятие, которое бы вдохнуло в него вторую жизнь, смогло действовать имеющихся высококвалифицированных специалистов. Если государство этого не сделает — это будет разбазарива-

ние мозгов, талантов, которые очень дорого ценятся на Западе и которые мы сегодня, к сожалению, ценить не умеем. С помощью мелких производств этой проблемы не решить.

— Такая утечка мозгов уже происходит. Мы знаем, что ряд специалистов ЧАЭС получили серьезные предложения от других предприятий. Если они уйдут, а они уйдут, ждате-то ведь нечего, это повлияет на состояние безопасности станции?

— Несомненно, и я это понимаю лучше других. Несколькими днями ранее я вынужден был написать письмо в адрес Верховного Совета и Кабинета Министров Украины, в Минчернобыль, в котором сообщил о том, что если персонал станции не получит перспективы, то блоки придется останавливать не ожидая 1993 года. Не имея перспективы, наши специалисты уходят в сферу частного предпринимательства, некоторые из них

получили приглашения для работы за границей. Это еще раз подтверждает, что наша страна и Украина в частности обладают сегодня лучшими операторами в мире. Недостатки техники мы вынуждены компенсировать знаниями, опытом, подвижностью, ответственностью операторского состава. Если мы в атомной энергетике разбазарим и кадры, будем и дальше сидеть на моратории на атомную энергетику и промышленность, а лет через пять станем догонять в этой области развитые страны, то вряд ли кого-нибудь уже догоним и, боюсь, можем попасть в очень серьезную энергетическую кабалу.

— Законы, как известно, и тому есть немало примеров, могут отменяться и пересматриваться. Имеете ли Вы надежду на отмену решения Верховного Совета Украины о закрытии ЧАЭС? Ведь жизнь круто меняется, политические и экономиче-

ские условия на Украине сейчас далеко не те, что были даже два месяца назад. Должны бы меняться и взгляды на атомную энергетику. Кстати, имеется ли какое-то заключение специалистов о том, что ЧАЭС эксплуатировать опасно и ее нужно обязательно закрыть?

— Такого заключения ни наших специалистов, ни иностранных нет. Разговоры на эту тему я слышал, но официального письменного заключения ни от одной организации о том, что блоки ЧАЭС в настоящем их состоянии после выполненной реконструкции эксплуатировать нельзя и их следует остановить, мы не имеем.

— Значит, решение закрыть ЧАЭС принято на основании эмоций, без серьезного научного и инженерного анализа?

— К сожалению, у нас очень многие решения принимаются на эмоциях. Хочется надеяться, что хотя часть из них окажется правильными. Хотя из того, что я знаю, большинство решений в хозяйственной области, которые принимались на эмоциях, принесли только вред, привели экономику к тому состоянию, которое мы сегодня имеем.

И второе. Сейчас наступил тот момент, когда администрация станции, инженерно-технический ее состав вынуждены были заявить следующее: мы сделали все для того, чтобы отстоять Чернобыльскую АЭС и оставить ее в работе для нужд народа Украины. Дальнейшая борьба не имеет смысла. И мы, как дисциплинированный коллектив, видим сегодня свою основную задачу в том, чтобы вывести станцию из эксплуатации, обеспечив при этом полную безопасность. Но для того, чтобы выполнить эту задачу, буквально в ближайшее время правительством Украины должны быть приняты решения по социальной защите коллектива станции. Если это

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

(Окончание.
Начало на 1 стр.)

сделано не будет, то я как директор станции не могу гарантировать безопасный вывод станции из эксплуатации. Появля, что ждать нечего, персонал разбежится и работать станет не с кем. Видимо, до выборов президента Украины коллектив удастся как-то сохранить. Но если сразу после этого не будет заявления о том, что у коллектива станции появляется перспектива (скажем, закрытие старых блоков, но пуск новых), то персонал уйдет, и станцию придется закрывать досрочно. Это должны понять руководители Украины, мы им это объясняли. Станция и в этом виде еще вполне может работать до 2000 года.

Скажу откровенно, надежды на то, что удастся переубедить парламент и общественное мнение у меня нет. До тех пор, пока не начнется ограничение потребления электроэнергии для бытовых нужд, нас не поймут. Армению переубедили очень быстро. А ведь она закрыла свою АЭС в еще более сильной горячке. Теперь же, когда районы Еревана разбиты на четыре части и только по шесть часов в сутки в каждую из них подается электроэнергия, все звонят директору АЭС и спрашивают, когда же он пустит станцию. И это там, в сейсмоопасном районе! А он ее не пустит,

пока население не вернет все, что на АЭС разворовало. Да и кто им в нынешней политической и экономической ситуации поможет пустить станцию? Не знаю. Но там население уже поняло, что значит иметь электроэнергию в доме всего шесть часов в сутки, энергию ограниченную, когда мигают лампочки, плохо показывает телевизор потому, что час-

тота тока всего 48,5 герц. Когда и наше население окажется в таком положении, тогда «площадное» решение вопроса будет рассмотрено. Пока же Украина ограничила потребление электроэнергии на восемь процентов для промышленности, хотя в некоторых регионах уже сейчас ограничено потребление электроэнергии на 20 процентов. Но сельское

хозяйство и быт не тронут. А что будет зимой?

Краткое послесловие.
Интервью у М. П. Уманца мы взяли еще до пожара в машинном зале второго энергоблока ЧАЭС, который, как уже известно, случился в ночь с 11 на 12 октября. И нам кажется, это происшествие подтверждает опасения Михаила Пантелеевича относительно возможного развала коллектива станции, снижения уровня профессионализма и ответственности персонала. Но с одной поправкой: процесс этот уже идет, и не первый день. Просмо-

трив собственные публикации за этот год, мы получили следующую картину происшествий на ЧАЭС:

26. 12. 1990 г. На азот-кислородной станции НР-2 произошел хлопок в нижней части колонны установки разделения воздуха;

11. 01. 1991 г. При плановых переключениях в системе водоподготовки по ошибке персонала ухудшилось качество воды, подаваемой на охлаждение статоров электрогенераторов №№ 1, 2, 3, 4 первого и второго энергоблоков, ниже допустимых пределов. Турбогенераторы разгружены и отключены от сети, реакторные установки поставлены в резерв;

10. 04. 1991 г. На остановленном первом энергоблоке в процессе плановых проверок выявлена неисправность блоков питания трех ионизационных камер аварийной защиты малой мощности;

1. 07. 1991 г. Отказ в работе оборудования при транспортно-технологических операциях в помещении топлива;

22. 07. 1991 г. Остановлен турбогенератор № 3 из-за появления свища на деаэраторе. В этом же месяце произошла задержка на 20 суток при среднем ремонте блока № 3 из-за увеличения объема работ на реакторе;

3. 08. 1991 г. Из-за течи воздушника на фильтре питательной воды первый блок остановлен на неплановый ремонт;

10. 08. 1991 г. На втором энергоблоке, находя-

щемся в капитальном ремонте, в результате поломки ремонтной заглушки на оборудовании произошло загрязнение выше норм радиоактивной водой трех технологических помещений. В этом же месяце на три дня в связи с выявлением дефекта остановлен первый энергоблок.

И вот, как логическое продолжение порочной цепочки, пожар на втором энергоблоке. Происшествия следуют одно за другим с нарастающей тяжестью последствий. Чего ждать в следующий раз и где? Если судить по частоте таких событий, то на первом энергоблоке — а если учесть элемент случайности, — то где угодно. Так что меры назвали. Слово теперь за Правительственной комиссией, которая сейчас разбирается в причинах последнего чрезвычайного происшествия.

Интервью взяли
Валерий КУЗЕНКОВ и
Владимир САВРАН.
Фото Владимира ЯНИЦКОГО.

ЕВРОПЕЙЦЫ ПРОТИВ ЧАЭС

Фракция французского движения «зеленых» в Европарламенте после недавней аварии на Чернобыльской АЭС призывает прекратить работу станции. Европейское сообщество должно помочь в обеспечении безопасности остановленных реакторов и в строительстве электростанции на газовом топливе вместо ЧАЭС.

